

САСАНИДСКОЕ СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО ИЗ Д. ШУДЬЯКАР

В августе 1951 г. в Удмуртский краеведческий музей поступили серебряные вещи из клада, найденного у д. Шудьякар Зюздинского района Кировской области.¹

Клад был найден в мае 1951 г. жителями д. Шудьякар (Харинская) Кириллом и Константином Харинными при распашке поля на левом берегу р. Камы, в ее пойме,

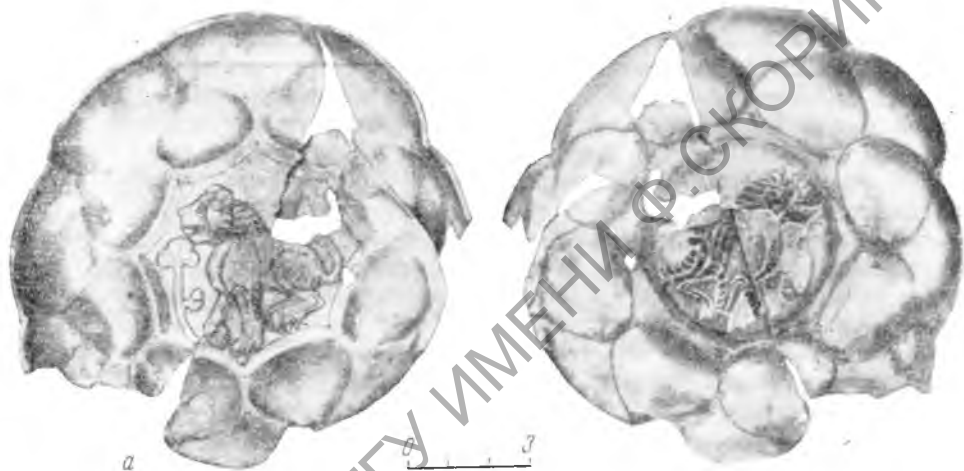

Рис. 1. Сасанидское блюдо из клада, найденного у д. Шудьякар

в 1,5 км к северо-западу от берега реки, напротив деревни. Клад состоял из большого серебряного блюда и трех серебряных шейных гривен. Плуг зацепился за блюдо, сорвал с него поддон и вывернул сосуд на поверхность. Поддон не был найден, но следы его отчетливо сохранились в нижней части блюда (рис. 1, б).

Не поняв значения своей находки, Харины разогнули обручи шейных гривен, причем две из них потеряли, а блюдо разрезали на несколько частей.

Спустя три месяца сотрудники УНИИ и УРМ получили остатки клада и обследовали место находки. Поле, на котором был найден клад, представляет собой ровную

¹ В. О б о р и н и А. Т р е ф и л о в, Отчет о работе археологического отряда комплексной экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института и Удмуртского республиканского музея, «Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора», вып. 16, Ижевск, 1954, стр. 198—200.

площадку, окруженную лесом. Заложенные на пашне шурфы показали, что гумусный слой достигает здесь не более 30 см, а ниже идет плотная материковая глина. Новых находок не было обнаружено. Очевидно, клад был зарыт неглубоко, в пахотном слое, так как на поверхности пашни не было обнаружено следов нижнего слоя глины.

Клад 1951 г. не является первым в данной местности. Жители д. Шудьякар рассказывают, что еще до революции на том же самом поле было найдено большое серебряное блюдо. Дальнейшая судьба этой находки неизвестна. Возможно, исчезнувшее блюдо относилось к тому же кладу, что и недавно найденные вещи.

Блюдо, найденное в 1951 г., представляет собой довольно тяжелый серебряный сосуд чашевидной формы. Вся поверхность его, кроме центральной части, покрыта сердцевидными фестонами. Вес блюда — около 600 г, диаметр — 26 см, высота 4 см, толщина стенок — 1—3 мм. На дне его сохранились следы припая от полого поддона круглой формы. Диаметр поддона — 9,5 см (рис. 1, б). В центре блюда находится плоская поверхность в форме восьмиугольника, на котором с внутренней стороны вычеканено изображение разъяренного льва, с оскаленной пастью и высунутым языком (рис. 1, а). Правая лапа приподнята. На лапах изображены по три когтя. Шерсть на хвосте и лапах и грива льва даны мелкими чеканными насечками. Высота фигуры льва — 10,5 см. Перед фигурой льва вычеканено изображение дерева (высота — 6 см), напоминающего пальму (рис. 2). Техника изготовления чаши представляется как литье с последующей чеканкой изображений на плоской поверхности в центре блюда. Края блюда, примыкающие к центральной плоскости с изображениями, состоят из литых фестонов сердцевидной формы. Фестоны эти располагаются в определенной последовательности. К каждой стороне центрального плоского восьмиугольника примыкают основания малые сердцевидные фестоны. Выше их, в промежутках между их концами, располагаются более крупные фестоны такой же сердцевидной формы, но основаниями кверху. Последние утолщены и составляют края блюда, которое повторяет изгибы оснований верхних фестонов.

Определить приблизительную дату изготовления публикуемой вещи помогает сравнение с опубликованными в специальной литературе подобными блюдами. Ближние аналогии для данного блюда имеются среди ранее найденных сосудов древнеиранского происхождения. Обычай украшать серебряные сосуды листовидными или сердцевидными фестонами появляется еще в ахеменидской Персии¹. Однако сосуды сасанидского времени имеют более сложный орнамент. Наиболее близкими аналогия-

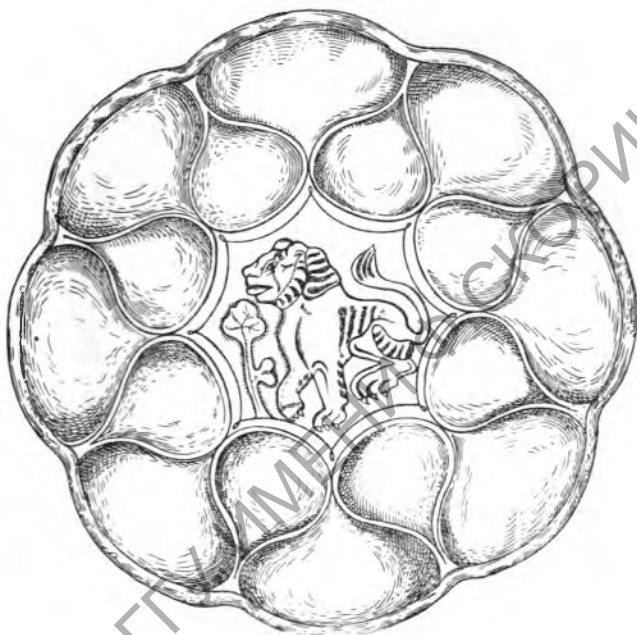

Рис. 2. Реконструкция сасанидского блюда из клада у д. Шудьякар

¹ А. А. И е с с е н, Ранние связи Приуралья с Ираном, СА, XVI, М.—Л., 1952, стр. 210—213, рис. 1, 2, 3.

ми по форме и технике изготовления для нашего блюда являются фестончатое блюдо с круглым поддоном из Перещепинского клада¹ и чаша с глубокими сердцевидными фестонами из клада на р. Томызе б. Глазовского уезда².

Очень близкими к изображению льва на публикуемом сосуде, имеющему чеканные насечки для изображения гривы, шерсти на ногах и хвосте, являются сцены охоты на львов Шапура III (309—379 гг.) на блюде, найденном у д. Турушевой б. Глазовского уезда³. Сцены охоты на львов имеются также на блюдах, изображающих охоту царя Бахрам-Гура (420—438 гг.).

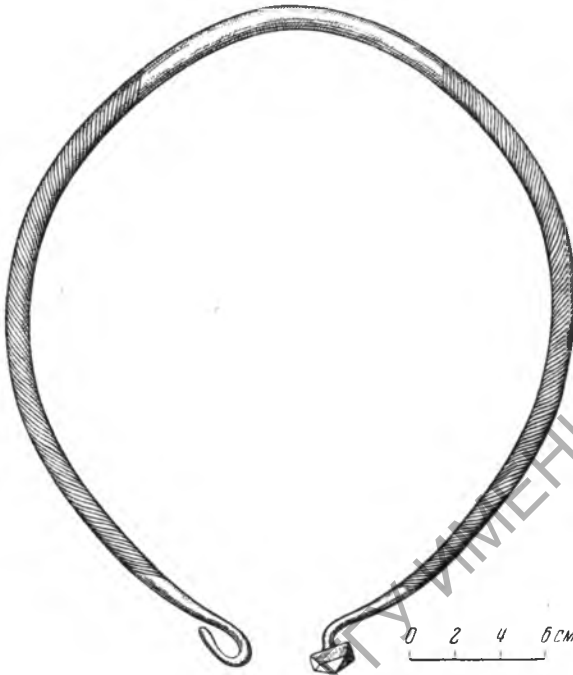

Рис. 3. Серебряная шейная гривна из клада у д. Шудьякар

Указанные аналогии, а также массивность блюда позволяют время его изготовления отнести приблизительно к среднесасанидскому времени, т. е. к IV—V векам.

Из трех серебряных шейных гривен сохранилась только одна. Она представляет собой серебряный литой прут с ложновитой насечкой длиной 80 см и диаметром 8 мм. На одном конце гривна имеет четырехгранную головку, а на другом конце — петлю (рис. 3). Это — обычная гривна так называемого «глазовского типа». Подобные серебряные и медные гривны являются частыми находками на Вятке, Чепце и в верховьях р. Камы. А. А. Спицын датирует их по Юмскому могильнику на р. Вятке — концом IX — началом X в.⁴ Этим временем можно датировать и время захоронения клада.

В 3 км от места находки клада, на правом берегу р. Камы, в том же 1951 г. нами было обследовано известное в литературе Шудьякарское городище. Городище относится к родановской культуре и принадлежит предкам коми-пермяцкого народа, до настоящего времени представляющего коренное население Зюздинского района.

По находкам керамики и других вещей городище датируется раннеродановским временем — IX—XI вв.⁵ По сведениям Н. Г. Первухина и А. Н. Шатрова, к северо-западу от городища располагался современный ему могильник. В наших разведках он не был обнаружен, так как, видимо, полностью уничтожен при распашке полей и разрушении берега. Таким образом, по соседству с местом находки клада предполагаются древнее поселение и могильник, относящиеся ко времени захоронения клада.

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сасанидский металл, М.—Л., 1935, табл. 36—38.

² Я. П. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. LXV, рис. 113.

³ И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 6.

⁴ А. А. Спицын, Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых, МАР, т. 26, СПб., 1902, стр. 32, табл. II, рис. 10, 12.

⁵ В. Оборин и А. Трефилов, Отчет..., стр. 198.

Находка разновременных серебряных вещей, в том числе и сасанидского происхождения, в кладах IX—X вв. не единична для верховьев р. Камы. В 1893 г. на р. Томыз, впадающей в Каму выше р. Шудьякарки, был найден клад, состоявший из пяти сасанидских и византийских серебряных блюдов, шести серебряных шейных гривен «глазовского типа» и других вещей (ОАК за 1893 г., СПб., 1895, стр. 40). В 1885 г. Н. Г. Первухин узнал от местных жителей о находке клада серебряных вещей на левом берегу р. Камы, ниже устья р. Пуры, который состоял из серебряного блюда и кувшина и девяти серебряных шейных гривен «глазовского типа»¹. Очевидно, сасанидские блюда бытовали у местного населения в течение очень длительного времени и иногда попадали в землю в кладах несколько веков спустя после времени их изготовления вместе с другими драгоценными вещами.

Советскими археологами достоверно установлено, что сасанидское серебро попало на Урал в обмен на пушнину и использовалось местным населением для культовых целей². Примечательно то обстоятельство, что в упомянутых выше трех кладах вместе с драгоценной посудой находятся шейные гривны «глазовского типа». Эти гривны представляют собой бытовое украшение. Они очень часто встречаются в могильниках IX—X вв. на Вятке, Чепце и в верховьях Камы, в наиболее богатых погребениях (Горт-Кужетский, Лопьяльский, Юмский, Кочергинский, Чем-Шай и др.). Шейные гривны «глазовского типа» часто встречаются в кладах вместе с другими вещами явно бытового назначения (серебряные и медные подвески, серьги и др.)³. Нам кажется возможным высказать предположение, что часть драгоценной посуды сасанидского происхождения, ранее служившая целям культа и являвшаяся общеродовой собственностью или даже собственностью племени, в IX—X вв. начинает переходить в собственность отдельных наиболее зажиточных семей — родовой и племенной аристократии. В XII—XIII вв. на памятниках родановской культуры уже неоднократно встречаются находки кладов драгоценных вещей, являвшихся личной собственностью зажиточных семей или даже одного лица (Вильгортский, Верх-Кондасский и другие клады). Очевидно, процесс разложения родового строя и усиления имущественного неравенства в Прикамье начался еще ранее и уже в IX—X вв. принял довольно резкие формы.

Интересно отметить и то обстоятельство, что именно на IX—X вв. в Прикамье падает очень большое число кладов, состоящих из драгоценной привозной посуды, серебряных шейных гривен и других вещей. Основная масса этих кладов сосредоточена на Вятке и Чепце. Видимо, это связано с обстановкой военной опасности, которая создалась в IX—X вв. в связи с образованием в низовьях Камы феодального государства волжских булгар. Булгарские феодалы эксплуатировали и облагали данью местное население Прикамья⁴. Неспokoйная обстановка вызывала потребность зарывать клады, которые чаще всего прятали недалеко от поселения и не очень глубоко, чтобы иметь возможность в случае изменения обстановки легко их достать. Одним из таких кладов и является, очевидно, описанный выше клад у д. Шудьякар.

В. А. Оборин

¹ Н. Г. Первухин, По следам чуди, «Материалы по археологии восточных губерний России», II, М., 1896, стр. 149.

² О. Н. Бадер и А. П. Смирнов, «Серебро закамское» первых веков нашей эры, Труды ГИМ, «Памятники культуры», XIII, М., 1954, стр. 24.

³ И. А. Талицкая, Материалы к археологической карте бассейна р. Камы, МИА, 27, М., 1952, стр. 40—41.

⁴ А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, МИА, 28, 1952, стр. 249.